

Могилы
Лес
Ф.Р. миниатюр

В мире искусства

«ТЕАТР РАЙКИНА»

«Театром Райкина» называют государствен-
ный театр миниатюр: им руководит знамени-
тый артист, «человек с тысящей лиц» — народ-
ный артист СССР Аркадий Райкин.

Недавно эта фамилия появилась на афише
нового спектакля — «Импровизация в двух
актах». Лица. Но... Аркадий Райкин в нем не
участвует. «Лица» — первая самостоятельная

работа младшего представителя актерской ди-
настии — Константина Райкина и известного
театрального режиссера Валерия Фокина.

Два зрелых серьезных человека, имея устой-
чивое положение в театре, бросаются в зыб-
кое море эстрады. Что побудило их сделать
такой выбор?

Фокин: Меня твоё решение,
Костя, не удивило. Я понял,
что ты хочешь попробовать си-
лы на «новой территории». И я
обрадовался, когда ты пред-
ложил мне поставить первый
спектакль в Театре миниатюр
с твоим участием.

Эстрада, в сущности, тот же
драматический театр, только
другой его грани, иная форма.
Актеры напрямую обращаются
к зрителям, и они становятся
партнерами, соучастниками дей-
ствия. Эстрада разрешает им-
провизацию, смешение жаров
и стилей — уже есть опыты
создания драматического и да-
же трагического представле-
ния.

Райкин: Однако тебя, привык-
шего к добротой драматур-
гии, поначалу насторожило от-
сутствие логически связанного
сюжета в пьесе Михаила Ми-
халова «Лица». Ты был право-
таки залуян группой молодых
актеров, пришедших в труппу
с институтской скамьи, их не-
опытностью, «незрелостью».

Фокин: Но у ребят было
большое достоинство: они жаж-
дали дела, они давали энту-
зиазм, желание, азарт. В итоге
создался ансамбль, без ко-
торого немислен театр. Я не
признаю «взвешенного солирова-
ния» — сцена интересна
«командой» единомышленни-
ков. Даже ты, хотя в вальсе
несколько центральных интер-
медий, не один, а «один из...».

Райкин: И слава богу! У ме-
ня, пожалуй, самое сложное
положение. Я купил фамилию,
на которую еще не много пра-
ва, просто она мне досталась
от родителей. И она ко мно-
гому обязывает. Считают, сын
Аркадия Райкина застрахован
от ошибок, без косяка сравни-
вают с отцом, а мое спасение
— в непохожести. Вся созна-
тельную жизнь учусь у отца
трудолюбию, естественности
жизни, мастерству трансформа-
ции. Я не копирую его манеры,
она принадлежит Аркадию
Райкину, ему одному. И потому
мне на прощанье хочется
заветовать... Посмотрю на от-
ца и вижу: мне надо работать,
работать и еще раз работать.
Потому что со временем, буду
расти. В искусстве нельзя
пытаться встать на чужие ноги,
надо стараться быть лучше
самого себя. Тогда, может
быть, станешь лучше других.
Эту, казалось бы, простую
попытку мне помню по отцу.

Фокин: Не только тебе —
всем нам. Как художественный
руководитель театра, он мно-
го сделал для нас, привнес в
труппу дефицитов, еще не
зная, что они способны,
давая возможность год (!) ра-
ботать над спектаклем, не вме-
шиваясь в ход репетиций, хо-
тя рисковал, понимая, что мы
экспериментируем. Его по-
мощь была незаменимой, со-
веты деликатными.

Райкин: Да, в жизни он —
мягкий, интеллигентный. А на
сцене — беспощаден, осыпая
жулаков, хапут, взяточников.
Сатира, бичуя мерзкое, отвра-
тительное, одновременно вы-
таскивает из нас хорошее, со-
вершенствуя нравы, характе-
ры, обычаи. Сатира — не су-
дья, не прокурор, у нее свой
кодекс чести, свои критерии.

Фокин: А их не все разде-
ляют. Люди, меняющие свое
мнение с подвижностью флюи-
да, могут стать общественным
бедствием, но неподсудны; без-
душные, нежелающие помочь,
космо мыслящие могут испор-
тить жизнь — но формально
не наказуемы. Как бороться с
этими нравственными (перные,
безнравственными) явления-
ми? Вот тут-то на помощь при-
ходит смех. Он располагает к
откровенности, обезоруживает,
очищает. Люди смеются и по
сторонам поглядывают: про
кого это? Непарком грешная
мысль возникает: может, про
меня?

Работая над спектаклем, мы
много думали: ради чего бьем-
ся? Чего хотим достичь, вы-
смеивая болтунов и поклон-
ников «легкой любви», спеку-
лянтов и зашоренных орто-
доксов? Если у тебя болит ду-
ша, когда видишь плохое, ес-
ли хочешь это плохое искоре-
чить, то сатирическое слово
становится твоим оружием.
Это не аполитическое брож-
жение и не взгляд со сторо-
ны: мы посматриваем — а я не
причем, я, вроде, на Марсе
живу. У подлинной сатиры
видна боль — твоя, личная. Не-
даром сатирика — люди гру-
стные.

Райкин: Мне пока нелегко
причислять себя к сатирикам,
но знаю, что они легко рани-
мы, остро воспринимают не-
достатки жизни, ее негативные
явления. «Лица» облачены в
танцевально-музыкальную
легкую форму, а посвящены се-
рьезным проблемам. Спектакль
утверждает: истинная ценность
для человека — другой че-
ловек; возможность понять друг
друга — самая большая ра-
дость, никакие другие не срав-
нятся с ней.

Фокин: Мы говорили обо
всем, что мешает найти путь
друг к другу — о внешних, ра-
схождении мнений, о корыст-
ных отношениях, уродующих
людей, заставляя — неприя-
тно и замкнуто — в коррек-
тивные районы... Вспоминую, как
на одной из репетиций Арка-
дий Исаакович Райкин рас-
сказал однажды дотошным

зритель его терзал — что вы
все о плохом да о плохом,
хорошего что ли нет ничего?

— Вот вы пришли к врачу,
— ответил Райкин, — с кислым
лицом: зуб болит. А врач:
«Так один же зуб-то! Осталь-
ные 31 в порядке». И отпра-
вит домой. Что делать бу-
дет? Небось, ногами затопаете
на такого лекаря? Так вот,
сатира то же врачевание.

От человека, чтобы он имел
право называться таковым, не
так уж много требуется: об-
ладать чувством стыда, уметь
воздавать славу совести, по-
клониться бескорыстному и не
подавать руки бесчестному.

Райкин: Легко сказать — не
так уж много! А как это по-
казать? Как донести до зрите-
ля, без которого театр мертва?

Театр — непременно сопе-
реживание, соучастие. Тем-
ный зал с невидимыми со спе-
циальными лампами вхо-
ждение. Но ведь и зритель
разный. Есть ленивый, сонный.
Не хочет будоражить себя, он
пришел отдохнуть, развлечь-
ся. Наша задача — заставить
его проснуться, заставить ра-
ботать ум.

Фокин: Я бы сравнил акте-
ра с музыкантом, который иг-
рал на себе самом. Если он
хорошо владеет всеми клави-
шами и струнами, «инструмент»
звучит в полную силу. Парта-
тура спектакля — нерв и
эмоция артиста. Вот почему
мы уделяем столько внимания
технике — мимике, голосу,
пластике.

Райкин: Актер — человек
ведомый. По отношению к
режиссеру он всегда поздал
режиссер — главный в рабо-
те. Я благодарен тебе за то
что ты привнес из драматиче-
ского театра вкус, чувств
формы, ощущение цельности
спектакля.

Фокин: Я тоже доволен, что
судьба постоянно сводит нас
С эстрадой я теперь связан
крепко — хочется поставить
классическую пьесу, драму.
Почему бы и нет? Открытость
эстрады площадкой, праздни-
чной и раскованностью форм
дают большие возможности
для расширения репертуара.

Театр миниатюр переехал
из Ленинграда в Москву, по-
лучил статус общесоюзного,
увеличил труппу, и на его
афише вскоре появятся новые
постановки.

Райкин: Я бы хотел, чтобы
мы и впредь работали вместе
Тема человеческого общения
неисчерпаема. Узнать друг
друга можно только тратя се-
бя, проявляя заботу и
болью других.

Диалог записала
корреспондент АПН
Е. ЗОНИНА

Записки
г. Магадан

23 ДЕК 1983